Глава восьмая

АРЗАМАССКИЙ УЖАС 1869 ГОДА

1869 год в истории России ознаменован великими национальными свершениями и столь же великими падениями. Недаром этот год называют годом выставок. В Москве тогда прошла огромная выставка лошадей, в Санкт-Петербурге — выставка Международного садоводства и выставка племенного рогатого скота, в Иркутске — выставка произведений декоративного искусства и бытовой утвари народов Восточной Сибири. Еще более значимой была выставка достижений русского искусства, русской науки, русской промышленности, которая проходила тогда в режиме, как говорят сейчас, реального времени. 4 января в этом году в Санкт-Петербурге состоялась премьера Первой симфонии А.П. Бородина, 6 марта на заседании Русского химического общества Дмитрий Иванович Менделеев сообщил об открытии им Периодического закона, а 24 мая в Санкт-Петербурге был заложен броненосец «Петр Великий» — мощнейший корабль того времени.

1869 год — год окончательного завершения Львом Николаевичем Толстым романа «Война и мир»... Но в этот же год С.Г. Нечаев создал тайную организацию «Народная расправа», поставившую своей задачей подготовку «мужицкой революции».

В этом году произошло явление Черниговской Гефсиманской иконы Пресвятой Богородицы и начались исцеления от нее, но в этом же году в России появились баптисты.

Ушел в этом году из жизни замечательный металлург, создатель «обуховской» артиллерийской стали Павел Матвеевич Обухов, а вот в селе Покровском Тобольской губернии родился Григорий Ефимович Распутин (Новых).

Умер создатель сказки «Конек-горбунок», директор тобольской гимназии Петр Павлович Ершов, а в Санкт-Петербурге родилась Надежда Константиновна Крупская, супруга В.И. Ленина...

1.

События этого года как-то странно сопрягаются между собою, и список можно продолжать, но еще интересней проследить, как происходит в 1869 году сопряжение противостоящих сил внутри конкретного человека. Сделать это тем более интересно, что необходимый материал дает

* Окончание. Начало в «Вертикаль. XXI век», № 44, 45

нам реальное событие, запечатленное на том уровне художественной правды, который отвергает любое приукрашивание или умалчивание.

Человек, с которым произошла история, вошедшая в историю литературы под наименованием «арзамасского ужаса», — великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В сентябре 1869 года он ездил в Пензенскую губернию, чтобы приобрести имение, но по дороге остановился переночевать в Арзамасе. Ночью он неожиданно проснулся.

«На меня, — писал Л.Н. Толстой 4 сентября 1869 года своей супруге Софье Андреевне уже из Саранска, — нашла тоска, страх, ужас, такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать»[1]...

Обещанные Софье Андреевне «подробности мучительного чувства» Лев Николаевич Толстой изложил для читателей в «Записках сумасшедшего».

«Мы подъезжали к городу Арзамасу.

— А что, не переждать ли нам здесь? Отдохнем немножко?

— Что ж, отлично.

— Что, далеко еще до города?

— От той версты семь».

2.

Над «Записками сумасшедшего» Лев Николаевич Толстой начал работать пятнадцать лет спустя после пережитого в Арзамасе и работал с перерывами практически до конца жизни. Получается, что арзамасский ужас запомнился писателю на всю жизнь и запомнился во всех подробностях его проявления.

«Как, я помню, мучительно мне было, что комнатка эта была именно квадратная. Окно было одно, с гардинкой, красной. Стол карельской березы и диван с изогнутыми сторонами. Мы вошли. Сергей устроил самовар, залил чай. А я взял подушку и лег на диван. Я не спал, но слушал, как Сергей пил чай и меня звал. Мне страшно было встать, разгулять сон, и сидеть в этой комнате страшно. Я не встал и стал задремывать. Верно, и задремал, потому что когда я очнулся, никого в комнате не было и было темно. Я был опять так же пробужден, как на телеге. Заснуть, я чувствовал, не было никакой возможности. Зачем я сюда заехал. Куда я везу себя. От чего, куда я убегаю? — Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, ни какое именье ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе. Я хочу заснуть, забыться и не могу. Не могу уйти от себя. Я вышел в коридор. Сергей спал на узенькой скамье, скинув руку, но спал сладко, и сторож с пятном спал. Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачало все. Мне так же, еще больше страшно было»...

Гений Льва Николаевича Толстого уже достиг к 1869 году своей вершины, и произошедшее в арзамасской гостинице писатель запечатлел во всей полноте и последовательности переживаемого чувства...

Как известно, во внецерковном сознании ужасное — это просто «эстетическое расположение, в котором мир «завораживает» человека, и человек просто «цепенеет», лишаясь способности здраво рассуждать и оценивать свое «так оно есть». Однако ужасное расположение может сопровождаться *не только «оцепенением», но — в иных случаях — и «панической» реакцией* (реакцией столь же непроизвольной, как и «оцепенение»). Паническая сумятица в душе, наружно выражающаяся в беспорядочных, судорожных движениях или, напротив, в мертвенной неподвижности охваченного ужасом человека, выражает собой простой факт: человек встретился с чем-то, чему в принципе не может противо-

[1] Лев Николаевич Толстой. Т. 17–18, С. 683.

действовать. И оцепенение, и паника — всего лишь психофизиологическое выражение ужаса, его симптом, — не более того»[2].

Это «что-то, чему человек не может противодействовать», философ называет «другим». Будучи гениальным художником слова, Лев Николаевич Толстой воспроизвел «встречу с другим» в художественном тексте со всем присущим ему мастерством:

«Да что это за глупость, — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь». «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал, тогда бы я боялся. А теперь и не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздирание было ужасно. Я попытался стряхнуть этот ужас. Я нашел подсвечник медный с свечой обгоревшей и зажег ее. Красный огонь свечи и размер ее, немного меньше подсвечника, все говорило то же. Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть. Я пробовал думать о том, что занимало меня: о покупке, об жене — ничего не только веселого не было, но все это стало ничто. ***Все заслонял ужас за свою погибающую жизнь***. Надо заснуть. Я лег было. Но только что улегся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще раз прошел посмотрел на спящих, еще раз попытался заснуть, все тот же ужас красный, белый, квадратный. Рвется что-то, а не разрывается»…

3.

Разбирая «Записки сумасшедшего», С.А. Лишаев пишет, что «встреча с Другим как Небытием актуализирует Небытие, и тем самым отвергает человека как понимающее существо, Присутствие. Впрочем, *это еще не означает, что Небытие, явив себя, уже уничтожило человека как Присутствие, свело его с ума*, совершенно лишило «присутствия духа», лишило связи с Бытием как точкой различения и утверждения сущего в мире. Эстетическое расположение «ужаса» — это *расположение Присутствия, в котором оспаривается его способность присутствовать, в котором Другое как Бытие* ***подменяется*** *Другим как Небытием,* ***в котором, однако, эта подмена еще не завершилась***. Может ли переживание ужаса в каких-то случаях лишить человека ума, сделать его умалишенным? Скорее всего, такое возможно. Но это уже клиника ужасного. Нас этот случай здесь занимать не может. Во встречах с Небытием человек остается человеком, существом в горизонте Другого, но Другое раскрывается здесь не как незыблемое *основание* сущего, а как *бездна* метафизического хаоса, как бездонность Небытия, которая скрыта в порядке текущей повседневности за пестрыми формами налично сущего»…

Любопытно перенести этот хорошо отлаженный механизм всеобъемлющих категорий «бытия-небытия», «***своего-другого***» из искусственно созданного пространства безбожия, в реальную ситуацию ужаса, охватившего другого реального персонажа и так же запечатленную в широко-известном тексте. Речь идет о происшествии, случившемся по дороге в Дамаск со злым гонителем христиан Савлом.

«Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск

---

[2] Лишаев С.А. Эстетика Другого. 2-е изд-е., испр. и доп. – СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2008. – 380 с.

к синагогам, чтобы, кого найдет последующих этому учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим.

Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба.

Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна».

Совершенно очевидна параллель этого диалога с диалогом, развернутым Львом Толстым в «Записках сумасшедшего»:

«Да что это за глупость, — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь». «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». Мороз подрал меня по коже».

Но, ужасаясь приближению ***другого***, свой вопрос: «кто Ты, Господи?» Савл адресует вовне, а герой Толстого, оказавшись перед *бездной* метафизического хаоса, перед бездонностью Небытия, спрашивает: «Да что это за глупость?» — сам у себя.

Савл адресует свой вопрос Богу, встречи с которым жаждет его душа.

Герой Толстого формулирует свой вопрос так, что вопрос сразу переадресовывается дьяволу, встречи с которым герой боится, не понимая, что эта встреча уже произошла.

Различен и итог.

Ужас, повергающий Савла в трепет, не подавляет, а вызывает покаяние и стремление переменить свою жизнь:

«Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надо делать.

Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя.

Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск.

И три дня он не видел, и не ел, и не пил»[3].

Нечто подобное истории, сохраненной на страницах «Деяний апостолов», происходило и со святыми, которые тоже удостоены были Посещения. Они тоже преображались, потому что они тоже готовы были и к Встрече, и к Преображению.

Разумеется, можно было бы и не подвязывать эти истории к биографии великого русского писателя, если бы в результате пережитого в Арзамасе ужаса и с ним тоже не произошло преображение.

Правда, если Савл преобразился в апостола Павла, то Лев Толстой после пережитого духовного кризиса преображается в «евангелиста Льва», который, подобно герою своих «Записок сумасшедшего», всем существом своим продолжает «чувствовать потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть».

4.

Мы лучше сможем понять природу ужаса, охватившего Л.Н. Толстого в гостиничном номере Арзамаса, если вспомним, что в 1869 году летние месяцы писателя заполнял «неперестающий восторг перед Шопенгауэром». Этот «неперестающий восторг» запечатлелся и в художественном тексте. Мысль героя «Записок сумасшедшего»: «Она (смерть — Н.К.) придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал, тогда бы я боялся», совершенно явно корреспондируются с афоризмом Шопенгауэра: «Каждому из нас доступно следующее утешение: смерть так же естественна, как и жизнь, а там, что будет, — это мы увидим». Хотя, конечно, герой Толстого не может так холодно и решительно, как Шопен-

---

[3] Деяния апостолов, гл. 9 (1-10).

гауэр, отсечь земные заботы и, даже думая о смерти, вязнет в земных привязанностях и пристрастиях…

У самого Толстого достаточно было «возвышенного расположения», чтобы преодолеть страх перед хаотичностью и громадностью стихий, труднее ему было преодолеть комплекс самодостаточности. Герой его «Записок», как мы видим, даже пытается копировать поведение воцерковленного человека, хотя это плохо получается у него.

«Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ***ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало***. Что меня сделало? Бог, говорят, Бог. Молиться, вспомнил я. Я давно, лет двадцать, не молился и не верил ни во что, несмотря на то, что для приличия говел каждый год. Я стал молиться. Господи помилуй, отче наш, богородицу. Я стал сочинять молитвы. ***Я стал креститься и кланяться в землю, оглядываясь и боясь, что меня увидят.*** Как будто это развлекло меня, развлек страх, что меня увидят. И я лег. Но стоило мне лечь и закрыть глаза, как опять то же чувство ужаса толкнуло, подняло меня. Я не мог больше терпеть…»

Молитва не помогла герою «Записок».

Но такая молитва, которой стесняется — «Я стал креститься и кланяться в землю, оглядываясь и боясь, что меня увидят» — сам молящийся, и не могла помочь, потому что это ***недействительная***, ***не настоящая*** молитва.

«Душа горделивая есть раба страха, — говорил преподобный Иоанн Лествичник, — будучи самоуверенной, она боится всякого шороха и даже теней… все боязливые тщеславны»[4].

5.

Мы уже говорили, что существует некая связь между «арзамасским ужасом» и событиями жизни страны, более того, кажется, что в этом ужасе скрыто и объяснение многих загадок русской истории вообще и русского 1869 года в частности. Вместо возвращения освобожденной от крепостного рабства страны к Святой Руси, наше образованное общество обуял тогда «неперестающий восторг» перед западными теориями.

«Революционер… — писал С.Г. Нечаев в своем составленном в Женеве в 1869 году «Катехизисе революционера», — презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и нощно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя… Мы имеем только один отрицательный, неизменный план — общего разрушения»…

Как-то поразительно точно сопрягаются с положениями написанного в Женеве «Катехизиса революционера» мысли героя «Записок сумасшедшего».

Так ли уж далек путь от признания: «Ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало» до человеконенавистнических формулировок С.Г Нечаева: «прежде всего должны быть уничтожены люди… внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу», «товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию», «сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской

[4] Лествица, слово 21; 4, 6.

государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейского мира и против кулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России»?..

Как бы закрепляя сделанный передовым обществом выбор 9 ноября 1869 года, С.Г. Нечаев в Петровском парке в Москве убил студента И.И. Иванова, чтобы «сцементировать кровью» участников своей группы.

«Через грех смерть вошла в мир», — говорит христианское учение, — писал А. Шопенгауэр. — Но смерть есть лишь преувеличенное, резкое, кричащее, тяжеловесное выражение того, что есть сам мир. Следовательно, вернее будет сказать: мир есть сплошной грех».

Наверное, не будет ошибкой сказать, что «Записки сумасшедшего» являются попыткой беллетризации этой мысли. В этом кроется и разгадка невозможности освобождения от арзамасского ужаса, который будет подкарауливать и героя «Записок», и самого Толстого во всей дальнейшей жизни.

6.

Преображение Савла и преображение Льва Толстого — разнонаправленные действия.

Как мы знаем, спасаясь от ужаса неоткрывшейся ему Истины, Лев Толстой уходит в ужас толстовства: «я не мог не видеть, что изложение богословия было ясно направлено не на изъяснение смысла жизни и учения о жизни, а только на утверждение самых непостижимых, ненужных мне положений»...

Преградой между Толстым и Богом стала гордыня, под воздействием которой великий художник возомнил себя равным Творцу. Он позабыл, что его художественный дар — это дар от Бога. Ему начало казаться, что его дар делает его самого равным Богу, что он может говорить на равных с Богом и понимать Его так же просто, как он понимает героев своих произведений. Это катастрофическое разрастание гордыни оборачивается тем, что чудовищно искажается зрение, и сам Бог начинает представляться писателю героем его произведения. Дабы не поступиться своей гордыней и соединить несоединимое, Лев Николаевич Толстой пытается рационализировать и примитизировать То, что не поддается рационализации и упрощению...

В результате, в отличие от Савла, Толстой видит не Бога, а ***нечто***, что он по своей воле соглашается назначить Богом. «Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Так чего же я ищу еще? — вскрикнул во мне голос. — Так вот Он. Он — то, без чего нельзя жить. Знать Бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь»...

Общее место, что Толстой-художник бесконечно мудрее и глубже Толстого-проповедника. При этом Толстой-художник еще и честнее и последовательнее Толстого-проповедника. В «Записках сумасшедшего», создававшихся в разгар работы над книгой «Соединение и перевод четырех Евангелий», Толстой писал о своей стеснительности молиться, признавался, что страх перед тем, что его увидят молящимся, пугал его больше, чем ужас подступающего к нему ***другого***...

Теперь во вступлении к объемистому «евангелическому» труду недостатки собственной религиозной практики Толстой переносит уже и на Церковь...

«Чем более я сближался с народом и жил так же, как он, и исполнял все те внешние обряды богопочитания, тем более я чувствовал две противоположно действовавшие на меня силы. С одной стороны, мне более и более открывался удовлетворявший меня смысл жизни, не разрушаемый смертью; с другой стороны, я видел, что в том внешнем ис-

поведании веры и богопочитании было много лжи. Я понимал, что народ может не видеть этой лжи по безграмотности, недосугу и неохоте думать и что мне нельзя не видеть этой лжи и, раз увидав, нельзя закрыть на нее глаза, как это мне советовали верующие образованные люди».

Подмена незаметная, но в результате она обернулась подлинной духовной катастрофой. Вместо личного покаяния, Толстой принимается за переустройство всего христианства и заодно отменяет и Самого Христа. Главнейший постулат книги «Соединение и перевод четырех Евангелий» заключен в том, что вера в Христа, как в Бога, совершенно искажает «истинный» смысл учения Христа.

В результате, чтобы освободить себя от необходимой и непереносимой — смирение — духовной работы, Толстой переходит к прямому разрушению христианства: «Кто верит в Бога, для того Христос не может быть Бог»...

7.

«Соединение и перевод четырех Евангелий», на наш взгляд, правильнее было бы назвать «Филологическими доказательствами бытия Божия».

Читаешь: «Была девица Мария. Девица эта забеременела неизвестно от кого. Обрученный с нею муж пожалел ее и, скрывая ее срам, принял ее, от нее-то и неизвестного Отца родился мальчик. Мальчика назвали Иисус»... — и не можешь поверить, что этот убого-глумливый текст создан автором «Анны Карениной», создававшегося приблизительно в одно время с «Евангелием от Льва».

Читаешь «перевод» знаменитого «Вначале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог»: «Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога. И разумение-то жизни стало Бог. Оно стало началом всего за Бога» — и понимаешь, что, когда писатель богохульствует, Господь лишает его и таланта, которым так щедро Он одарил его. Своими глазами мы видим, как яркое, яростно цветущее толстовское слово превращается на страницах «Евангелия от Льва» в серое, слипшееся вещество.

Более того... Подобно завистливой посредственности, Толстой совершенно искренне возмущается, отчего евангелисты не писали так, как пишет свое Евангелие он.

«Из смысла всей главы не только не видно того, чтобы писатель (евангелист — Н.К.) разумел под сатаною действительное лицо, но видно совсем обратное.

Если бы писатель представлял себе лицо, он бы хоть что-нибудь сказал о нем, о его виде, о его действиях, а тут, напротив, ни одного слова нет о самом лице. Лицо искусителя упоминается только ровно настолько, насколько нужно выразить мысли и чувства Христа. Не сказано, как он подошел к нему, ни как переносил его, ни как исчез, ничего не сказано»...

Неосознаваемая Толстым ирония кроется тут в том, что в процитированных нами «Записках сумасшедшего» сам он уже великолепно изобразил, как появляется дьявол.

«Да что это за глупость, — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь». «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». Мороз подрал меня по коже... Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздирание было ужасно. Я попытался стряхнуть этот ужас... ***Все заслонял ужас за свою погибающую жизнь***... И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная... Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать... Ужас красный, белый, квадратный. Рвется что-то, а не разрывается»...

Но Толстой, объятый гордыней опровержения христианства, уже не замечает дьявольской усмешки, и далее он — не замечая и этого! — про-

изводит очередную подмену: это не евангелисты писали не так, как он, а христиане не желали читать их так, как надобно.

«Говорится только об Иисусе и о том враге, который есть в каждом человеке, о том начале борьбы, без которой немыслим живой человек. Очевидно, писатель с простыми приемами хочет выразить мысли Иисуса. Чтобы выразить мысли, надо заставить говорить его, но он один. И писатель заставляет говорить Христа с самим собою, и он называет один голос голосом Иисуса, а другой — то дьяволом, т.е. обманщиком, то искусителем.

В церковном толковании прямо сказано, что не надо и нельзя (хотя, как всегда, не сказано, почему это не надо и нельзя) считать дьявола представлением, а надо считать действительным лицом, и такое утверждение привычно нам.

Для всякого человека, свободного от церковного толкования, будет ясно, что слова, приписываемые искусителю, выражают только голос плоти, противный тому духу, в котором находился Иисус после проповеди Иоанна».

Христос в «Евангелии от Льва» изрекает суждения, в которых самого Толстого гораздо больше, чем Христа.

«Чтобы понимать Меня, вы должны понимать то, что Отец Мой не то что отец ваш, тот, которого вы называете богом. Ваш отец есть бог плотский, а Мой Отец — дух жизни. Ваш отец бог есть бог мстительный, человекоубийца, тот, который казнит людей, а Мой Отец дает жизнь. И потому мы разного отца дети».

Христос Толстого — враг Церкви и мистики. Это обыкновенный, хотя и постигший истину человек, и его примеру — самопожертвованию — должны следовать все люди, чтобы достигнуть всеобщего счастья.

Толстовский Христос не считает Себя Мессией. Возвещая ученикам истину о благе, он стремится лишь опровергнуть веру в Творца.

Ничтожна и бессмысленна поставленная задача.

Никакого отношения не имеет она к Спасителю, пришедшему, чтобы освободить человека из рабства дьяволу, спасти человечество от проклятия и смерти.

Глава девятая

УЗЛЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Через девяносто лет после кончины А.С. Пушкина, 19 февраля 1927 года, бюро Пензенского губкома ВКП(б) приняло постановление о ликвидации Саровского монастыря. Было признано целесообразным произвести изъятие мощей преподобного Серафима Саровского до наступления «весеннего раздополья».

5 апреля 1927 года были вскрыты и изъяты из монастыря мощи, а сам монастырь закрыт, и в его стенах разместили Трудовую коммуну имени наркома Труда тов. В.В. Шмидта.

Впрочем, скоро коммуну сменил карантинный лагерь ОГПУ, который в свою очередь превратился в 1934 году в Саровский исправительно-трудовой лагерь НКВД, называемый в просторечии — Сарлаг.

Интересно, что с 17 сентября 1933 года его начальником стал Иосиф Владимирович Тарашкевич, в бытность которого начальником Пензенского ОГПУ и ликвидировался Саровский монастырь. Всего два с половиной года Иосиф Владимирович начальствовал в освобожденном от монахов и святых мощей монастыре. В первых числах 1936 года его вызвали в Горький, и он исчез без следа, растворившись, как пахнущий серой дым.

Ну, а Сарлаг обрастал поселением, и, возможно, ему была суждена судьба множества других русских монастырей, превращенных доблестными чекистами-ленинцами в лагеря и тюрьмы, но 9 апреля 1946 года

вышло секретное постановление Совета Министров СССР №805-327сс «Вопросы лаборатории №2», согласно которого на территории поселка Саров решено было разместить подразделения «объекта №550»...

Уже в мае 1947 года в Сарове начали работать первые лаборатории и заводы КБ-11, и в результате через два с небольшим года здесь была изготовлена первая советская атомная бомба РДС-1. Испытание ее провели на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года в 7 часов утра.

1.

Считается, что поселок на границе Горьковской области и Мордовской АССР для размещения сверхсекретного «объекта №550» выбрала комиссия, в которую входили руководящие работники Первого главного управления: заместитель наркома боеприпасов П.Н. Горемыкин, заместитель наркома транспортного машиностроения П.М. Зернов и профессор Ю.Б. Харитон. Не подвергая сомнению это свидетельство, отметим, что в выборе, хотя это и не осознавалось, учитывалась не только география, но и духовная история местности, ее духовный потенциал.

Конечно, на первый взгляд, кощунственно сравнивать великого молитвенника Серафима Саровского и советский атомный проект, но с другой стороны, молитва Серафима Саровского защищала Россию, и советская атомная бомба, создаванная в Сарове, тоже ведь защищала нашу страну. Мысль эта, затертая от частого употребления, неожиданно возникла во мне во время экскурсии по музею Российского Федерального Ядерного центра ВНИИЭФ в Сарове, где в просторном помещении выставлены были образцы «изделий», производимых в зашифрованном городе Арзамас-16.

Здесь, возле бомб и боеголовок, способных уничтожить целые страны и континенты, меня буквально ошеломила мысль, что созданные в Сарове бомбы — небывалое оружие не только по своей мощи, но и по самому принципу действия. В отличие от американских атомных бомб, обрушивших свою смертоносную силу на беззащитных женщин, детей и стариков Японии, бомбы, созданные в Сарове, никого не убивали, если не считать рабочих и солдат, погибших при их производстве и испытаниях[5]. Бомбы, созданные возле обители, где совершал свои духовные подвиги великий русский святой Серафим Саровский, воевали просто тем, что они были созданы... Эти бомбы нейтрализовали убийственную мощь американских бомб, которые — Хиросима и Нагасаки в том порукой! — наверняка были бы использованы США.

«Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946-1969 годах, — писал Юлий Борисович Харитон. — Было нелегко и позже. Но этот период по напряжению, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию. Через четыре года после смертельной схватки с фашизмом моя страна ликвидировала монополию США на обладание атомной бомбой».

Вспоминая эти слова, и думал я о том, что смертоносное оружие, которое несло мир и защищало жизнь, только на саровской намоленной земле и могло быть создано. Видимо, пытаясь прорваться сквозь атеистические надолбы идеологии к постижению этой сути нового оружия, и переименовали в 1954 году секретный поселок Саров в город Кремлев.

2.

Прост был Саровский Чудотворец. Прост был и путь, приведший его к вершинам святости...

Его детство проходило под залпы изнурительной и бессмысленной для России семилетней войны... Большой кровью русские войска одержи-

---

[5] Саров раньше назывался Арзамас-16. Городское кладбище местные остряки называют Арзамасом-17.

вали тогда победы, занимали города, которые сразу же возвращались назад прусскому королю.

Будущему святому было восемь лет, когда закончилось следствие над бывшим канцлером А.П. Бестужевым. Его признали виновным в неудачах военной кампании 1757 года. Бестужева приговорили к смертной казни, но императрица Елизавета Петровна заменила казнь ссылкой.

Командование действующей армией принял тогда генерал-аншеф П.С. Салтыков, и впервые за всю войну в сражении при Пальциге потери русской армии оказались меньше, чем у пруссаков. А вскоре Салтыкову удастся разгромить прусскую армию при Кунерсдорфе.

«Я несчастлив, что еще жив», — написал в тот день король Фридрих II.

Разумеется, все эти предательства и победы Семилетней войны, как и разбросанные по соседним годам свершения и разрухи правления Елизаветы Петровны, никак напрямую не связаны с сыном курского купца Исидора Мошнина, но вместе с тем, если вспомнить весь путь, пройденный преподобным, окажется, что связь эта существует…

Порою кажется, что и родился Серафим Саровский, чтобы связать прежнюю Святую Русь с новой, образовавшейся в результате петровских реформ Россией… Ведь вся его жизнь, все его подвиги, всё его духовное восхождения к снисканию Святого Духа — это ответ на вызов русской истории, это путь, на котором только и можно было примирить русское общество.

«Многое изменилось и в нас, — писал Борис Зайцев в уже упомянутом нами очерке. — Тяжкий путь прошла русская интеллигенция — на родине почти погубленная, в изгнании тяжело дышащая (но живая!). Изгнание отделило ее физически от Сарова. Но прежнего Сарова ведь и нет. Саров уничтожен, разгромлен… лишь Преподобный вознесен еще выше. Ослепительный его, серафический белый свет еще слепительней. Издали, с чужой бездомной земли не ближе ли он русским людям — некогда его не прославившим?»

Увы, это обретенное в изгнании прозрение не приближало к постижению великих саровских и дивеевских тайн. Снова не смогла осмыслить русская интеллигенция явления Серафима Саровского. Русским эмигрантам казалось, что преподобный Серафим отстраняется от России, погрузившейся в пучину беззакония и кровавую вакханалию, уходит, исчезает навсегда…

«Может быть, и скорей почувствуешь, душою встретишь св. Серафима на грязных улицах рабочего Бианкура, чем некогда в комфортабельном и богатом доме Балыковского завода», — писал Борис Зайцев.

Но преподобный не уходил никуда из России. Он был рядом с нами, укрывшись на чердаке Казанского собора в блокадном Ленинграде. Преподобный слышал русских людей и молился за них, предстоя Престолу Божиему! И вершились чудеса, каких никогда не бывало.

И, может быть, поэтому и не убивали никого созданные на саровской земле смертоносные бомбы и боеголовки! Вместо того чтобы убивать, они не давали никого убивать такому же смертоносному, созданному в других краях оружию…

3.

В Саров мы ездили вместе с ректором Арзамасского государственного педагогического института Е.П. Титковым.

Сразу после посещения музея Российского Федерального Ядерного центра ВНИИЭФ нас повезли в библиотеку имени Маяковского, на открытое заседание литературного объединения «Саровские ключи». Разговор здесь завязался интересный. Об истории нашей страны, о том, что связывает Святую Русь, Российскую империю и Русь Советскую, о том, что происходит сейчас с нами… Говорили о том, что изменяется с веками в нашей стране, и о том, что остается неизменным.

Рассказывая о своих поездках по Нижегородской земле, я помянул и о селе Ломакино, куда мы заезжали посмотреть на дом, в котором вырос печально знаменитый генерал Власов.

Так уж получилось, что, работая над книгой «Два лица генерала Власова», я использовал практически все известные и достоверные документальные свидетельства о жизни и деятельности едва ли не самого знаменитого изменника Родине. Поэтому-то меня и не перестают удивлять всё новые и новые попытки представить этого очень и очень любившего свою жизнь и самого себя генерала идейным борцом со Сталиным.

Как-то даже неловко наблюдать, как вполне приличные с виду исследователи, подобно картежным шулерам, сбрасывают мешающие им достоверные факты биографии Власова и подменяют их припрятанными в рукаве рассуждениями.

Разумеется, приехав в Ломакино, которое, если судить по народным — «ломакинцы, царя не попотчевав, спать уложили» — преданиям, тоже начинало свою историю со времен похода Иоанна IV Васильевича Грозного на Казань, я не особенно и рассчитывал узнать что-то новое о генерале Власове. И тем не менее поездка оказалась не напрасной. Здесь, на берегах реки Пьяны, яснее открылось, как формировался характер Власова, как складывалась его кручено-перекрученная судьба.

Перед Ломакино мы заехали в имение масона Василия Александровича Пашкова, из которого началась знаменитая пашковщина. В 1884 году Пашкова выслали за границу, но и оттуда он продолжал поддерживать деньгами единомышленников, поставивших своей целью борьбу с Россией и православием.

Потом побывали в имении барона Антона Генриха Жомени, который во время Отечественной войны служил генералом и в русской, и во французской армии у Наполеона. В имении его, где сам барон, собственно говоря, и не жил, в 1943 году собирались поселить пленного фельдмаршала Паулюса…

И всё время, пока колесили мы по Гагинскому району, извиваясь, крутилась возле нас река Пьяна, связывая имение масона Пашкова, усадьбу Жомени и село Ломакино, где вырос генерал Власов. Учитывая, что и имение Пашкова, и усадьба Жомени, и село Ломакино расположены на расстоянии мальчишечьего набега, можно говорить о соседстве их. И соседство это, конечно, поразительное и неслучайное.

В самом Ломакино проехали мы к тонущему в зарослях кустов и густой травы дому, где родился и вырос генерал Власов. Наш экскурсовод рассказал, что домом заинтересовался Пешеланский гипсовый завод, который входит в московский промышленный холдинг. Поначалу планировалось открыть здесь, наподобие Болдино, музей генерала Власова, но фронтовики Нижегородской области попросили президента Медведева разобраться с провокационной затеей, и с музеем решили погодить.

Почему-то после этого рассказа заходить в дом расхотелось, и мы прошли к обелиску, стоящему невдалеке от власовского дома. Как и везде в России, бесконечны на ломакинском обелиске столбцы фамилий павших за Родину жителей села. Только Коновых четырнадцать человек не вернулось с войны в Ломакино, а ещё — тринадцать Барановых, а ещё — двенадцать Власовых…

Фамилии генерала Андрея Андреевича Власова на обелиске, конечно, не было.

Склонив головы, мы постояли у этого скорбного обелиска и двинулись в обратный путь. Уже когда выезжали из Ломакино, в нашу машину чуть не врезался «Москвич» с вырванной дверцей. За рулем с безумными глазами сидел пьяный мужик в дорогой зимней шапке.

Проехали дальше мимо валяющейся на дороге дверки «Москвича», и невдалеке от перекрестка увидели газик, с которым столкнулся «москвич»… От него — один за другим! — шли вдоль неба четыре мужика,

кулаки их были сжаты, а лица сосредоточены, как будто мужики уже пинали ногами таранившего их водителя…

— Ндравный народ в Ломакино живет? — поинтересовался я.

— Сложный… — сказал экскурсовод. — Бедно живут…

Помолчал и зачем-то добавил:

— Хлысты рядом…

4.

Вот об этом я и рассказывал на открытом заседании литературного объединения «Саровские ключи».

Можно было не обращать внимания на попытки представить генерала Власова борцом с тоталитаризмом, когда эти заявления исходили непосредственно от его сподвижников. Все они находились за рубежами нашей страны, и их борьба со Сталиным органично смыкалась с оплачиваемой из фондов спецслужб борьбою с построенным под руководством И.В. Сталина Советским Союзом.

С либеральными историками постсоветского разлива сложнее. Нынешние «исследователи» пытаются заслонить борьбой со Сталиным измену Власова Родине, пытаются оправдать предательство России некоей борьбой с тоталитаризмом. И, разумеется, одной только защитой генерала Власова эти люди ограничиваться не собираются.

Один из адвокатов генерала-изменника, протоиерей Георгий Митрофанов прямо назвал «государственным победобесием» все мероприятия, связанные с днем Победы. И уже не скажешь, что сделано это только по заданию заокеанских спецслужб, на деньги, получаемые из зарубежных фондов. Теперь зачастую заказ на такую русофобскую работу исходит непосредственно от нынешних заправил, которые считают, что страну, где оправдывается измена Родине, легче разворовывать.

Но, несмотря на все усилия митрофановцев, вопрос о предательстве генерала А.А. Власова с исторической и нравственной точки зрения остается очевидным. Власов, действительно, изменил воинской присяге, предал Россию, чем нанес вред именно ей, а не коммунистическому режиму или его вождям. По своей идеологии — если можно называть власовскими программы и манифесты РОА и КОНРА, разработанные в недрах Абвера и Вермахт-пропаганды, — Власов никогда не был сторонником царской России. В тяжелый час крестного страдания России Власов перешел на сторону ее злейшего врага и стал служить оккультному режиму Гитлера, проводившего политику расчленения России и тотального уничтожения русского народа…

Протоиерей Георгий Митрофанов называет «победобесием» — память о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Для нас «русофобобесие» — всё то, что делают современные адвокаты генерала Власова.

Об этом и говорили мы в библиотеке города, выросшего вокруг монастыря, в котором просиял преподобный Серафим Саровский, города, в котором было создано то, что остановило ядерные войны.

Общеизвестно, что христианство разбудило Русь для истории, и именно это и определило место в нашей стране православия.

Православие для России не просто конфессия. Православие для нас — государствообразующая сила. Оно сформировало язык нашего народа и его национальный характер, определило законы нашего государства и его культуру.

И так и выстраивалась святыми князьями Русь, что совпадали пути спасения и устроения русским человеком своей души с путями спасения и устроения государства.

Очень точно об этом сказал в библиотеке города Сарова выступавший вместе со мною доктор исторических наук Евгений Павлович Титков.

— Корни принципиального различия между русскими и немецкими солдатами кроются прежде всего в глубине народного характера, но раз-

ными были и их цели в войне, — говорил он. — Одно дело фашистская идеология с ее сатанинской подоплекой господства «арийской расы» и другое дело — русская психология, сформированная православной верой, призывающей к защите своего Отечества, самопожертвованию во имя спасения своего народа. Народ, Россия всегда, независимо от государственного строя, всеми силами отстаивали свою Родину от иноземных захватчиков. Здесь сказывался и идеологический фактор. Многонациональная Россия, несмотря на многообразие культур и религий, уже на протяжении нескольких веков была единым, цельным государственным образованием. Православная Русь была Отечеством для народов различных конфессий. И какие бы блага ни сулили захватчики, народы России стеной вставали на защиту своей страны, своей Родины и веры».

С этим трудно не согласиться... Психология русского человека, действительно, сформирована православной верой, призывающей к защите своего Отечества, самопожертвованию во имя спасения своего народа.

Мысль, что можно использовать для борьбы с тоталитаризмом трудный момент в жизни страны, — лукавая мысль. Как показал опыт 1917 и 1991 годов, такой подход к решению проблем, стоящих перед нашей страной, не только не сможет облегчить участь народа, но опрокинет его в еще злейшую пучину страданий.

5.

В 1941 году такого не случилось. Тогда, 22 июня 1941 года, Патриарший местоблюститель Сергий, митрополит Московский и Коломенский, обратился к пастырям и верующим с посланием.

«Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона, — писал он. — Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему Отечеству... Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту границ нашей родины.

Господь нам дарует победу».

Читаешь в этом послании грозные слова святителя: «Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не одобрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией», — и отпадает нужда спорить с деятелями, рассуждающими подобно протоиерею Георгию Митрофанову о «победобесии». Ведь это прямо к ним и обращены слова будущего патриарха: «А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу».

Впрочем, что вспоминать о ненавистниках великой победы православной России!

Читаешь послание Патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского), и спадает с глаз пелена. Действительно, сколько прочитано книг о войне! Воспоминания и романы, исторические исследования и сборники документов... И все равно получается, что о самом главном так и не знаешь еще.

Нет... Многое из того, что написано, верно. Прямо с колес, порою даже не прикрывшись от дождя и снега, начинали работать эвакуиро-

ванные заводы... Насмерть стояли советские солдаты и в Бресте, и под Смоленском...

И причины наших неудач тоже известны — незавершенное перевооружение армии, врасплох заставшая нас война... А с другой стороны — работающая на Германию промышленность всей Европы, накопленный немецкими солдатами и генералами боевой опыт. Все это понятно.

Но как понять, как объяснить, почему вышедшие на трамвайную остановку — и трамвай ведь шел прямо в центр города! — немцы застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград? Конечно, защитники города проявили чудеса мужества и героизма, но разве у бойцов, оборонявших Брест, Киев или Смоленск, не было мужества? Разве мало геройских подвигов было совершено солдатами разгромленных немцами по пути к Ленинграду дивизий и корпусов?

А под Москвой? Прорвав все линии обороны, танковые колонны немцев вырываются на Волоколамское шоссе, и только горстка панфиловцев прикрывает столицу, но эта рота и останавливает немецкие полчища, всю ту фашистскую армаду, которую не могли остановить наши армии, полегшие на московских рубежах...

И уж совершенно непостижимо случившееся в Сталинграде. Легко пройдя тысячи километров, гитлеровцы не сумели пройти последних десятков метров до Волги. 27 сентября, на Воздвиженье Креста Господня, три бойца во главе с сержантом Яковом Федоровичем Павловым отбили четырехэтажный дом, и в течение трех суток, пока не прибыло подкрепление, удерживали его, отбивая яростные атаки целой дивизии гитлеровцев.

Непостижимо...

Можно, разумеется, рассуждать, дескать, на первом этапе войны «перемалывалась» немецкая военная мощь... Но в этом рассуждении стремления создать хоть какое-то подобие объяснения, пожалуй, больше, чем здравого смысла.

Разумеется, немцы несли тяжелые потери. Но разве можно сравнить их с первоначальными потерями, которые несла советская армия? И разница тут не в два, не в три раза, а в порядки...

Советскому Союзу, как объясняют некоторые историки, легче было восполнить свои потери?.. Ну, а как же быть тогда с Ленинградским фронтом, где немецкие войска и снабжались нормально, и доукомплектовывались, а защитники города в это время гибли от голода, непрекращающихся бомбардировок и обстрелов?

А как же быть с осенью сорок второго года, когда, потеряв гигантские промышленные районы, по своему потенциалу Советский Союз начал уступать Германии, ставшей еще могущественнее, чем в начале войны?

Увы... Ничегошеньки не объясняет эта теория «перемалывания» в столь непостижимо совершившемся переломе хода войны.

Но, быть может, и не нужно искать объяснений там, где их нет...

6.

Попробуем понять, кто и с кем сражался на войне, которая по праву названа Великой Отечественной? Германия и СССР? Фашизм и коммунистическая идеология?

Эти альтернативы не только не способны объяснить чудо, которое объективно содержится в нашей победе, но они не полностью отражают даже и саму реальность войны.

Попробуем же взглянуть на факты, не зажмуривая глаза от того Небесного света, которым наполнены они. Вспомним, что началась эта война 22 июня 1941 года, в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших... А закончилась она 6 мая, на день памяти Георгия-Победоносца, потому что на следующий день 7 мая Германия подписала в Реймсе предварительный протокол безоговорочной капитуляции. И выпало 6 мая 1945 года на Светлое Христово Воскресение...

Совершенно другая, осиянная Небесным светом война открывается перед нами, когда мы располагаем ее даты в соответствии с церковным календарем. И можно приводить тысячи объяснений, почему Гитлером было выбрано для начала войны 22 июня, но они не способны заслонить самый главный смысл — именно в день памяти Всех святых, в земле Российской просиявших, нанес оккультный Рейх свой главный удар. И целью этого удара был не только коммунистический режим, не только захват новых земель, но прежде всего сокрушение Православной Руси…

Конечно, далеко не все в Германии, и очень не многие в России именно так и воспринимали эту войну. Но это возражение ничего не опровергает. Точно так же как и рассуждения господ Митрофановых о борьбе с православием, которую в самом СССР остервенело вела ленинская гвардия.

Да, вела… Но так и не смогли интернационалисты-ленинцы победить укоренившееся в русском языке и национальном характере Православие. Чтобы победить его, мало было взрывать храмы и расстреливать священнослужителей. Для этого необходимо было уничтожить сам русский народ. И именно поэтому силы зла вместо несправившихся с задачей большевиков и избрали орудием борьбы с православной Россией оккультный Третий рейх.

К сожалению, мы мало пока знаем об этой войне…

Существует предание, которое приводит в книге «Заступница Усердная» иеромонах Филадельф, о явлении митрополиту Гор Ливийских Илие самой Божией Матери. Богородица открыла тогда, что должно быть совершено в России. Она указывала, что необходимо возобновить по всей стране богослужения… Обнести вокруг Ленинграда чудотворную икону Казанской Божией Матери… Совершить молебен перед этой иконой в Москве… Икона должна побывать и в Сталинграде…

Митрополит Гор Ливийских Илия немедленно связался с представителями Русской Православной Церкви и Советского правительства и передал то, что было положено передать.

Это, возможно, предание… Но есть и факты. Так или иначе, но И.В. Сталин действительно прекратил гонения на православие, укоротив ретивых атеистов-коминтерновцев. Мы знаем, что повсюду начали открываться храмы, было восстановлено полноценное Патриаршее управление Русской Православной Церковью… И крестный ход совершили в Ленинграде, и в Москве отслужили большой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, и — это не метафора, а объективная реальность! — произошла материализация Всех Святых, в земле Российской просиявших… Тогда танковые колонны и боевые самолеты приняли на себя имена русских святых, тогда ордена наших святых: благоверного князя Александра Невского, праведного Федора Ушакова засияли на груди наших генералов и адмиралов…

И не поэтому ли происходило немыслимое. Не успевшие усесться в трамвай гитлеровцы, словно в оцепенении, замерли перед окруженным со всех сторон городом… Внезапно ударившие морозы сковали изготовившиеся к последнему прыжку на Москву стальные армады…

Уже немецкие солдаты видели волжскую воду, но не могли пройти последние метры, словно незримая стена вставала перед ними. И это было так же непостижимо, как и церковь иконы Казанской Божией Матери, что продолжала стоять среди обращенного в руины города.

Мало кто вспоминает, что именно на Казанскую икону Божией Матери и была завершена подготовка Г.К. Жуковым и А.М. Василевским плана контрнаступления под Сталинградом, в ходе которой, впервые с начала войны, удалось сосредоточить в районе наступления десять общевойсковых, одну танковую и четыре воздушных армии. Такую мощную силу невозможно было не заметить, но — это тоже впервые с начала Великой Отечественной войны! — немецкое командование не заметило ничего.

Сталинградский сержант Иван Дмитриевич Павлов, ставший после войны старцем Кириллом, духовником Троице-Сергиевой лавры, рассказывал, что многие бойцы приходили в те сталинградские дни ко Господу, что и сам он поднял тогда из сталинградских развалин Евангелие, и потом шел по войне «с Евангелием и ничего не боялся»...

«Просто Господь был со мною рядом, — говорил он, — и я ничего не боялся»...

Вдумываясь в слова старца Кирилла, понимаешь, что и самое крупное танковое сражение под Прохоровкой, ставшее переломным в ходе Курской битвы и всей Великой Отечественной войны, не случайно попало на 12 июля 1943 года, на день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла. Как и сама Победа, выпавшая на 6 мая 1945 года, на Светлое Христово Воскресение, на день памяти Георгия-Победоносца

Это и есть Божие чудо — дарованная нам на Пасху 1945 года Победа.

Один из главных творцов этой победы Святейший патриарх Московский и Всея Руси Сергий (Страгородский) не дожил до нее. 14 мая 1944 года, совершив литургию в Ризоположенском храме, он завершил свой земной Путь.

7.

О патриархе Сергии (Страгородском) сказано ненамного меньше злого и несправедливого, чем о другом патриархе, тоже рожденном на Нижегородской земле — Никоне. Но если патриарх Никон привел Русскую Православную Церковь к расколу, то патриарх Сергий сумел в страшные годы войны поднять ее из руин.

Патриарх Сергий (Страгородский) — весьма непростая историческая личность. Нашу либеральную публику смущает близость его к И.В. Сталину, а еще более не нравится откровенно патриотическая, государственная позиция, которую Святейший всегда отстаивал, осуществляя руководство Русской Православной церковью. При этом — это тоже нужно учитывать! — деятельность патриарха Сергия протекала в сумерках чекистских провокаций, в болотных зарослях обновленческих честолюбий. Он вынужден был бороться за спасение Русской православной церкви, находясь порою в арестном состоянии, он противостоял обновленчеству и григорианству, не имея для этого никаких материальных и властных ресурсов.

«Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как ощупью среди неосведомленности, жили отдельной жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие, — писал он сам в «Декларации 1927 года». — Какая благоприятная почва для распространения всяческих басен, намеренных обманов и пагубных заблуждений. Какое обширное поле для всякого самочиния!»

Созидая из руин здание Церкви, реальные очертания которого видел только он сам, митрополит Сергий вынужден был преодолевать сопротивление не только откровенных врагов Церкви, но и выдающихся ее деятелей, авторитет которых безусловен. Великие святые, поражающие духовной красотой и совершенством своих судеб, находились рядом с ним, говорили, спорили с ним. Необходимость вступать в конфликтные отношения с ними удручала митрополита Сергия, но он не отступал, потому что путь, которым он шел, был выбран не им...

Патриарх Сергий совершил высший подвиг, он пожертвовал многим из того, что считал для себя главным, и пожертвовал не ради собственного возвышения, а ради спасения Русской православной церкви. Порою либеральные деятели, в том числе и из нашей Церкви, пытаются уверить, что патриотизм противоречит самой сути православия. Но так уж устраивали нашу страну святые князья и православный народ, что спасение собственной души и спасение Святой Руси всегда в нашей стране совершались одновременно. И кому из православных русских людей удалось достичь святости, предав Родину?!

Патриарх Сергий прошел тяжелый и опасный путь. Разверзающиеся бездны духовных искушений… Обрушивающиеся потоки лжи и клеветы… Черная темень, окутывающая все вокруг…

Конечно, он был подготовлен к этому пути и своим духовно-нравственным, начавшимся еще в далеких поколениях предков-священников воспитанием, и великолепным образованием, и великим молитвенным духом… Но без Божией помощи пройти этот путь не под силу было никому.

А то, что Божия помощь и Божие произволение сопутствовали митрополиту Сергию, показывает тот конфликт, который произошел у него со священномучеником Агафангелом, митрополитом Ярославским. У митрополита Агафангела, помимо его неоспоримого авторитета, были на руках все документы, подтверждающие его старшинство, его право возглавить управление Русской православной церковью. Все было на его стороне. К борьбе с митрополитом Сергием его подталкивали и окружающие его иерархи, и чекисты. Но священномученик Агафангел вышел из этой ситуации, добровольно отказавшись от своих неоспоримых прав.

Конечно, — он святой! — но ведь потому он и отказался, что прозревал волю Божию. И Божия воля была, чтобы патриархом стал митрополит Сергий. Видимо, никто другой не способен был сделать то, что предстояло сделать Сергию (Страгородскому).

Патриарх Сергий — это несомненное чудо, рожденное на нижегородской земле[6], чудо, подобное чуду Александра Невского, чуду Минина и Пожарского, чуду Серафима Соровского, чудо, обусловленное и предопределенное этими великими русскими чудесами…

«Святейший Патриарх Сергий… — говорил о святителе старец Иоанн (Крестьянкин). — Не явил еще Господь миру вполне его сокровенного подвига. Он продолжает нести и по смерти тяготу непонимания от многих, а часто и откровенной лжи. Но кончина его? Разве ни о чем не скажет она нам? Да она — Божие свидетельство о нем. В день кончины он служит свою последнюю Божественную Литургию, причащается Святых Христовых Тайн, совершает своими руками последнюю архиерейскую хиротонию, чтобы сказать в тот день Господу: «Ныне отпущаешь раба Твоего, Владыко…»

---

[6] Будущий патриарх всея Руси Сергий (Страгородский) родился 11(24) января 1867 года в Арзамасе, в семье дьякона Алексеевской женской общины Николая Ивановича Страгородского и его супруги Любови Дмитриевны.